

**Простая речь о мудренных
вещах: сочинение М. П.
Погодина**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П82

П82 Простая речь о мудренных вещах: сочинение М. П. Погодина / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 496 с.

ISBN 978-5-517-95879-2

ISBN 978-5-517-95879-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

жимый теперь для насъ порядокъ допущенный въ высшемъ домостроительствѣ Божиѣмъ.

Въ наше время наступаетъ пора распространенія знаній, простѣйшаго ихъ изложенія, облегченія общаго къ нимъ доступа.

И человѣчество должно привѣтствовать эту новую эру съ благодарностію усерднымъ проповѣдникамъ,— но да будутъ прокляты тѣ, которые начинаютъ все-народную, общедоступную проповѣдь съ отрицаній, сомнѣній, осужденій, и оборачиваютъ человѣческія мысли налѣво, а не на право, о которыхъ сатанѣ нечего просить, чтобъ ихъ сѣять (просѣвать) яко пше-ницу, которые не помнятъ словъ Спасителя: „кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше-бы, если-бъ мельничный жерновъ повѣсить ему на шею и потопить его въ глубинѣ морской“. „Надобно придти и соблазнамъ; но горе человѣку тому, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ“.

Давно началъ я записывать въ особой тетради мысли и выраженія о духовныхъ предметахъ, приходившія мнѣ на умъ,—особенные случаи, встрѣчавшіеся со мною самимъ въ продолженіи жизни, и слышанные отъ другихъ, на кои имѣются строго-критическія доказательства. Лѣтъ тридцать слишкомъ назадъ зародилось во мнѣ желаніе огласить ихъ простою рѣчью, внѣ всякихъ школьныхъ правилъ, справокъ и предубѣжденій, какъ представлялись мнѣ эти вопросы

среди чтеній, размышленій, наблюденій, опытовъ, или созрѣли внутренно, безъ непосредственнаго моего въ томъ участія. Нѣсколько разъ, въ теченіи этого долгаго времени, при разныхъ случаяхъ, почему-бы то ни было меня поражавшихъ, вызывавшихъ на размышленія, представлявшихъ мнѣ какъ-бы знаменіями времени, порывался я къ перу, и принимался писать, но мысль внезапно останавливалась, я бывалъ недоволенъ своими приступами, не находилъ силъ справиться съ задачей, не могъ продолжать, и откладывалъ задуманную бесѣду до другаго времени.

Года три тому назадъ, разбирая въ своемъ „Русскомъ“ возмутительный Петербургскій процессъ по дѣламъ печати, гдѣ поносилось между прочимъ за религіозныя вѣрованія, яко бы наслѣдованныя отъ Московскихъ просвиренъ, имя одного изъ моихъ покойныхъ друзей, Ивана Васильевича Кирѣевского, человека высоко образованнаго и высоко-нравственнаго, я долженъ былъ коснуться нѣкоторыхъ мыслей этого рода, и помѣстилъ въ статьѣ выписки изъ моей тетради. Пересматривая ее тогда, я подумалъ, не лучше ли передать ее, какъ она есть, съ обратъ написанныя начала или приступы, и всѣ разсѣяныя замѣтки и отрывки, указать нѣкоторые вопросы и недоумѣнія, коими для мыслящихъ могутъ быть замѣнены иныя положенія, приведя все только въ нѣкоторый наружный порядокъ по предметамъ,

не заботясь ни о какой системѣ, ни о какой полнотѣ. И въ самомъ дѣлѣ! Систематизировать потребовало бы много времени, которое у меня, 72-хъ почти лѣтъ, уже на исходѣ, — да и было-бы мнѣ уже не подъ силу. Притомъ систематическихъ сочиненій много, и онѣ при всѣхъ достоинствахъ имѣютъ свою невыгоду, оставаясь непривлекательными или недоступными для большинства, какъ бы для дѣтей иногда учебныя книги. Нужды нѣтъ, что собраніе мое представить какою-то смѣсь съ недостатками всякаго рода, повтореніями, уклоненіями, вставками, отступленіями, съ одной стороны съ пробѣлами, а съ другой съ представленіями одной и той-же мысли въ разныхъ только видахъ и оборотахъ; нужды нѣтъ, что собраніе мое будетъ состоять изъ разноцвѣтныхъ и разношерстныхъ, такъ сказать, лоскутковъ, сшитыхъ на живую нитку. Дѣло не въ искусствѣ, не въ авторствѣ, не въ формѣ, а въ содержаніи: цѣль моя не строить, не предлагать системы, а произвести извѣстное впечатлѣніе, привлечь вниманіе, содѣйствовать душевному настроенію, возбудить большее уваженіе къ жизни, благоговѣніе предъ ея высокими задачами, удержать сколько нибудь отъ дерзкаго умничанья и легкомысленнаго отрицанія нашу несчастную молодежь.

Окончаніе древней моей исторіи не оставило мнѣ тогда времени на приведеніе въ исполненіе этого плана.

Въ предпрошедшемъ году лекціи нашего почтеннаго богослова Н. А. Сергіевскаго возбудили во мнѣ желаніе прочесть съ кафедръ простую рѣчь—и опять намѣреніе не состоялось за новою работою, которая потребовала всего моего времени.

Но вотъ я говѣю теперь: надо отрѣшиться отъ злобы дня. Какое занятіе лучше, цѣлесообразнѣе, размышленія о высшихъ человѣческихъ вопросахъ,—и я вздумалъ посвятить все свободное время на приведеніе въ порядокъ моихъ отрывковъ и замѣтокъ. Дѣло пошло на этотъ разъ успѣшно. На страстной и святой недѣлѣ я переписалъ, разумѣется на черно, и кое гдѣ исправилъ, старую тетрадь,—мнѣ вдругъ захотѣлось, не отлагая вдаль, приготовить ее тотчасъ къ изданію, что теперь и исполняю, занявшись ею на досугѣ въ Емсѣ.

Сентября 16 дня, 1872 года. Москва.

Прежде всего я передамъ написанные мною въ разное время приступы или начала безъ концовъ, и укажу на случаи, которые производили во мнѣ особенное впечатлѣніе, и напоминали о задуманномъ дѣлѣ, — присоединяя по мѣстамъ новыя замѣчанія, которыя впадаютъ на умъ...

Случилось мнѣ однажды возвращаться домой поздно вечеромъ по пустынному Дѣвичьему полю. Полный мѣсяцъ катился прямо предъ моими глазами, пробиваясь сквозь кучи легкихъ, тонкихъ, облаковъ! Вотъ онъ кажется падаетъ, сейчасъ упадетъ, сорвется... ну если... взыбытъ становилось страшно.... Нѣтъ, онъ не сорвется, не упадетъ! Тысячи лѣтъ уже онъ совершаетъ свой путь по одной и той же линіи, не уклоняясь отъ нея ни на волосъ, — и всѣ эти мириады звѣздъ, которыхъ быстротечный свѣтъ достигаетъ до насъ вѣками, несутся въ своихъ безграницныхъ пространствахъ, не мѣшая одна другой, не забѣгая ни на единую черту въ чужую орбиту. Кто-же указалъ имъ пути? Кто держитъ ихъ на вѣсу?

Гдѣ, въ чьихъ рукахъ этотъ камертонъ, по которому онѣ движутся тысячелѣтія безъ малѣйшей ошибки?

Міры держатся силою притяженія,—нашелъ славный Ньютонъ великую истину. А притяженіе то кто сообщилъ имъ? Да и что такое притяженіе, что въ немъ есть? Сила, духъ, идея?

А мы, муравьи, копышемся въ своихъ кучкахъ, топчемся и мечтаемъ, что значимъ что-то въ этой безграничной вселенной.

Но мы въ самомъ дѣлѣ значимъ что-то въ сравненіи съ настоящими муравьями, какъ и муравьи—гиганты въ сравненіи съ инфузоріями (наливчатыми, микроскопическими животными, у которыхъ есть свои сложные организмы). . . .

.

Однажды, въ срединѣ Кавказа, передъ Сурамскимъ переваломъ, ночью, въ ожиданіи лошадей на станціи, лежалъ я навзничъ въ своемъ тарантасѣ, среди тишины тишайшей, невозмутимой, и смотрѣлъ на сине-великолѣпное небо, разстилавшееся необозримымъ шатромъ надъ моей головою, усыпанное яркими, сверкающими звѣздами. Мнѣ слышалось, что оно какъ будто *пло...* гармонія ощущалась въ душѣ,—и были для меня понятными слова боговдохновеннаго пророка, что небеса повѣдаютъ славу Божию.

.

Сгорѣлъ огромный балаганъ на масляницѣ, передъ Зимнимъ дворцемъ; нѣсколько сотъ человѣкъ погибло, и могущественнѣйшій въ Европѣ Государь, со средствами столичной полиціи, съ силами всей гвардіи, на берегу рѣки, среди широкой площади, *не могъ* подать помощи ни одному несчастному, не могъ спасти ни одной жизни, и долженъ былъ слышать стоны людей, погибавшихъ въ страшныхъ мученіяхъ. Какъ это могло случиться?... Что значитъ сила человѣческая!....

Вскорѣ послѣ этаго плачевнаго происшествія, на одной почти недѣлѣ сгорѣла биржа въ Лондонѣ, опера въ Парижѣ и Зимній дворецъ въ Петербургѣ. Три главные народа въ Европѣ лишились въ одно время своихъ славныхъ памятниковъ, на коихъ сосредоточиваются ихъ завѣтныя, задушенные чувства. для Француза зрѣлища, для Англичанина деньги, для Русскаго царская идея. Отстроить дворецъ къ слѣдующему году, сказалъ Императоръ Николай Павловичъ; Англичане скинулись по гинеѣ; Французы устроили заемъ, — и пожара какъ не бывало! Суетное, легкомысленное племя! Ты не видѣло здѣсь страшныхъ знаменій, ты не поняло здѣсь грозныхъ напоминаній—подумать о томъ, о чемъ ты думать отвыкло: такъ-ли ты живешь, какъ тебѣ жить надо? То, ли дѣлаешь, что тебѣ дѣлать надо!....

Покушеніе на жизнь Государя 4-го Апрѣля въ Петербургѣ, внезапная кончина Наслѣдника, вырваннаго какъ будто изъ среды семейства въ глазахъ у всѣхъ окружающихъ, покушеніе Березовскаго на жизнь Государя въ Парижѣ, поразили меня сильно. . .

Удивительныя событія нашего времени столь же мало обращаютъ на себя вниманіе ослѣпленнаго поколѣнія.

Парижъ, городъ, который полторы тысячи лѣтъ возвеличивался постоянно, и сдѣлался дѣйствительно столицею міра,—гдѣ наука, искусство, промышленность, достигли высокой степени совершенства, гдѣ на всякомъ шагу поражали путешественника обиліе, богатство, роскошь, соединенные съ особеннымъ изяществомъ, утонченностью, любезностью,—городъ, которому всѣ страны свѣта спѣшили приносить свою дань, гдѣ можно было, кажется, найдти птичье молоко,—этотъ Парижъ, въ одинъ мѣсяць очутился въ такой нуждѣ, что крысы и кошки были ему въ сласть! Неужели это не чудо?

И сама Франція, передовое могущественнѣйшее государство въ Европѣ,—улыбнется бывало Наполеонъ какому нибудь посланнику на поздравленіи въ день

Новаго года, или взглянетъ косо на другаго, и во всѣхъ газетахъ, во всѣхъ кабинетахъ поднимутся толки, конца но было догадкамъ, спорамъ, предположеніямъ!—Франція, считающая сорокъ милліоновъ своего народа, и какого народа? таланливаго, пылваго, самолюбиваго въ высшей степени, на все способнаго, храбрѣйшаго, поражена такъ въ два-три мѣсяца, что изъ перваго класса ниспадаетъ на эту пору не во второй, не въ третій, а развѣ, говоря по нашему, въ четырнадцатый. Три арміи, по двѣсти тысячъ каждая, сдаются въ плѣнъ непріятелю, чего не случилось никогда во всеобщей военной исторіи. Третъ всей страны разорена, опустошена, выжжена; тысячи народа безъ хлѣба, безъ пристанища, должны ходить по міру; всѣ дѣла остановились. Наконецъ въ крайности заключенъ миръ самый унижительный: богатя, преданныя до самоотверженія провинціи отняты: враги остались хозяйничать на неопредѣленное время; наложена страшная неслыханная контрибуція въ пять милліардовъ, которыхъ, говорятъ, во всей Еуропѣ мудрено собрать вдругъ наличными деньгами! Неужели это можно объяснить самонадѣянностью Наполеона, легкомысліемъ Граммона, оплошностію Лебефа. Тѣ же люди были около Наполеона впродолженіи 18 лѣтъ— и побѣждали и властвовали! Судьба ихъ была тѣсно связана съ его судьбою; какимъ образомъ могли они, не спросясь броду, сунуться въ воду, и поставить на

карту свою будущность. На всѣхъ нашло затменіе! Въ томъ-то и дѣло, что на всѣхъ нашло затменіе! недаромъ вѣдь говорятъ: кого хочетъ наказать Богъ, того лишаетъ разума, *demental*. — Казалось; испита была вся чаша горечи, которая можетъ достаться въ наказаніе государству, народу; — нѣтъ, это было только начало „болѣзнемъ“. На днѣ чаши оставалась еще желчь, ядовитая желчь — и Французы, которые не имѣли силы бороться съ врагами, нашли силу воевать между собою, и вотъ три мѣсяца они дерутся не на животъ, а на смерть. Война объявлена не только настоящему порядку вещей, но и прошедшему, съ которымъ разрывается всякая связь, и всѣ историческіе памятники разрушаются съ какимъ-то остервененіемъ и вмѣстѣ съ наслажденіемъ. Тюльери сожженъ до тла, Луксенбургскій дворецъ въ развалинахъ, Лувра, съ его сокровищами, едва осталась третья часть. Вчера получено извѣстіе, что горитъ Ратуша, Префектура полиціи, Ломбардъ. О статуяхъ Генриха IV и Людовика XIV и говорить нечего. Наконецъ Вандомская колонна, гигантскій памятникъ всесвѣтныхъ побѣдъ, которыми такъ любили хвалиться Французы, обложенная навозомъ, повалена усиліями механики, вдоль улицы Мира, *guc de la Paix*, — (какая страшная иронія!), — у героя, стоявшаго на высотѣ ея, въ порфирѣ и лавровомъ вѣнцѣ, отлетаетъ голова, и туловище раскалывается на двое при неистовыхъ рукоплесканіяхъ толпы. Кости